

В «Архипелаге ГУЛАГ» А. И. Солженицына этому острову (он находится в Александровском районе нашей области) посвящено всего несколько строк. Автор «опыта художественного исследования» не остановился подробно на его трагической истории то ли в силу нехватки информации, то ли в соответствии со своим замыслом: нужно было что-то излагать кратко, иначе книга попросту не вместила бы массу подобных фактов... Витольд Донатович Славнин — выпускник Томского университета, историк, археолог. Он известен читателям нашей газеты по краеведческим публикациям. Славнин побывал на острове в 60-е годы и записал свидетельства охрестных жителей. Он подает услышанное им в форме рассказа, но рассказа, основанного на подлинных свидетельствах.

МЛ 26/11, 18/12, 25/12 1989.

Витольд СЛАВНИН

ЗАЯЧИЙ ОСТРОВ

МОЖНО? Здравствуйте! — сказал я худому мужику в потертом военном кителе, сидевшему за дощатым канцелярским столом. — Вы будете председателем сельсовета?

— Так, однако, я буду. А что? — он с замечным интересом охватил взглядом мою неказистую «справу», прожженный берет, фотоаппарат, компас на ремне и заветную бумагу в руке.

— Я — начальник отряда Среднеобской археологической экспедиции... — зачастил я, самоутверждаясь и стараясь хоть как-то сгладить впечатление от своей внешней непрезентабельности и молодости. — Надо заверить Открытый лист Академии наук.

Как фельдъегерь пакет, выдернул свою «верительную грамоту», протянул председателю. Тот неспешно-недоверчиво принял бумагу левой рукой (правый рукав был пуст), прочел. Дойдя до строк, каковыми предписывалось «всем органам Советской власти» всячески содействовать мне во имя высокой Науки, мужичок мимолетно ухмыльнулся, спросил:

— А отряд-то твой где обретается?

— Там, — бросил я, указав на окно, за которым виднелся напарник Володя, подпиравший угол сельсоветской избы и коротавший время за «сибирским разговором» — кедровыми орешками.

— Ага. А остальные где?

— Да вы же, двое, что ли? Чего ищете-то?

— Я объяснил как мог.

— Вы, паря, у нас-то, под Назиним, навряд ли что найдете от старинных людей. Здесь ране-то, однако, никто не жил, разве что остяки. Это вот повыше, в Вертикосе, место имеется, где Ермак клад, говорят, зарыл, чтоб с союзным остяцким богатырем не делиться. А у нас — нет. У нас тут —

болота да урман по ярам. Памятники? Каки памятники? Могилки, что ль? Есть могилки... х-г-м... А-а, не эти? Где древние люди жили, либо хоронили? Нет, не припомню... Стариков надо бы спросить, да все в разбеге — кто где: на плесах которые, кто косит, кто и вовсе помер...

Председатель сунулся в неогороженный шкаф из тонкого листового железа, извлек из его пустых недр развалившуюся коробочку с лиловой подушечкой, дыхнул на печать, прихлопнул ее на обороте Открытого листа. Некоторое время удовлетворенно созерцал свежий оттиск, потом кинул пером чумазию непроливашку, размашисто расписался. Задумался, заскреб в щетине подбородка концом ручки.

— Н-да-а... Помощь оказывать, говоришь... А какую помощь надо-то?

Последние сутки мы поголодали: сухой паек кончился, а варить на почтовом катерике, сердобольно забросившем нас в Назино, было негде. Потому я сразу поинтересовался столовой и магазином. Председатель весело откинулся на спинку деревянного «кресла», сбил кепку на затылок, хохотнул:

— А нету, ребята. Столовой, говорю, нету. Зимой-то бывает другой раз, когда лесозаготовители на участке пластаются. Нынче вообще не будет — не рубят лес почто-то: далеко плавить,

наверно. Оно-то, конечно, и к лучшему: народишку бойкого поменьше, — но столовой нету. Да и не для кого: свои-то дома, им ни к чему. Так вот. Лавку Маша-продавщица тоже прикрыла; на два дня, поди. За хлебом в Александровское податься на «Рыбнадзоре». Как прошлогод сгорела пекарня-то наша вместе с пекаркой по пьянке, так вот и возим: то сами на чем попада, то, глядишь, вертолетом с райцентра,

либо с Каргаска доставят. А так-то, почитай, в магазине и торговать нечем. Летом вино не продают почти: сухой, слышь, закон. Только вот и товара что хлеб да курево, да телогрейки, сапоги с керосином. Потом, и людей-то в селе почти что нет сейчас — путина...

Вы вот что, паря: подождите, как Маша-продавщица придет, провиант и подкулите. Ночевать в сельсовете, в конторке можно — где «секретарь» написано. Пока чем ни то подкормитесь: рыбешкой, сухарями — помогу маленхую, крупа-лапша, поди, у самих есть. А-а, ну, коли торопитесь — дело другое. Тогда вы вот что: пока рань, по селу, по избам, пройдите. Кто если из хозяйв дома, дак съестным разживетесь: хлеба малость, сухарей ли, а то где и картошки: у кого есть — всегда продадут. А то вот еще что, сплывите-ка вы на остров, через протску — выдали? Там в тальниках зайцев тыма, ружье-то есть, поди? Ну, вот — с мясом будете. Подкопите, подвялите в запас. Я бы и сам с вами-то, но баба с парничком на покосе ждут. Вверху это, не по пути. Я облаб вам дам — на весь срок, только с возвратом. На нем и сбегаете. Да и по Пане-реке на нем сподручно. Умеешь на обласе-то, не скыви-нешься? Ну и дело... Что «почем»? Облас-то? Да ни почем, так даю. В порядке содействия, как в твоей бумаге написано. Два у меня: один на покосе, другой — вон, под яром, к лодке привязан. Там и гребь. Берите, а как вернетесь с острова — в сельсовет сбегайте. Я-то уеду, а в сеньках вам бредешок положу да харчей чуток. Замок у нас для близира, не закрывается. Последнее время чужих мало, не пасемся особо.

Ну так, ребята-экспедиция. Работайте, найдете что — загляните, расскажете, как тут люди допрежь нас жили. К сентябрю народ-то соберется, все послушают.

Вышел я на крылечко, оглянулся вокруг. Длинная — километра на четыре — единственная улица не обнаруживала никаких признаков жизни. Ни палисадничков, ни кустиков, ни деревьев — ничего. Сильно страдает от гнуса северный люд: тайга — вот она. Потому и жметесь долгий ряд изб к реке, потому и выводятся под корень всякая растительность в селениях, чтобы было где гулять речному свежему ветерку, прижимающему к земле крылатую нечисть, наконец разгоняющему ее.

Покатились мы с Володиной мелкими шажками по петлястой тропке с порядочной высоты яра к урезу обской воды, где вкрадчиво-страстно похлюпывали короткие волны о борта председательской лодки, баюкая притороченный к ней обласок. Челнок оказался довольно вместительным: мы погрузили свои манатки, уселись сами, приплавив лодочку бортом к берегу, упершись в глинистое

дно веселком-гребью со слегка выгнутым пером и резной поперечиной-рукоятью. Над водой осталось еще сантиметров пять борта — ничего, живем. Плыть можно, хотя бы и по Оби, не то что по протоке ее — широкой, но не шибко стрежевой.

Древние мудро придумали долбленку-облас: узкий и легкий, с изгибом устремленным вперед и вверх носом, сухим ивовым листом ходко скользит по воде. То плавно сползает со взгорбившейся ее поверхности, то взмывает во встречной волне, повинуюсь малейшему шевелению изогнутой лопасти...

Минут через десять остров — Заячий остров, словно в устье Невы, — нагинулся на нас длинной песчаной стрелкой. Она незаметно переходила в крутоватую дугу берега, сплошь почти затянутаго низеньким, платиново-синеватым тальничком, из которого там и сям торчали перекрученные ветрами и паводками темные тела ветел...

Десятки, может, сотни совсем таких же обрывков плоской поймы остались на всем длинном пути Оби.

Наш остров — такой же во всем, кроме размеров: верст шесть в длину да с четверть того в ширину. Пожалуй, что повыше иных: видно, наткнулась когда-то река на бугорок, прорезать его поленилась, обошла, глубоко врезаясь в скаты, намывла пойму с плоским холмиком ниже по течению; здесь, на незатопляемом острове, трепетно поигрывали зеркальцами листьев несколько серебристых топей. Туда, к этим не шибко высоким, но стройным, каким-то чистым деревьям, мы и нацелились, втянув подальше на песчаный язык наш осиновый кораблик.

Перекурили, шагнули с песком на ярко-зеленую бахрому приречной молодой осочки, двинулись в глубь большого Назинского, Заячьего острова.

Не знал я тогда, что есть у него иное название, ведомое многим моим землякам больше по слухам, а то и вовсе неведомое, тайное. Оно открылось мне значительно позже, а пока что мы, окрыленные надеждой на добычу, сытный обед, опыленные отрешением от «жизни гражданской», обласканные солнышком и ветерком, придавившим к земле летучих кровососов, споро вышагивали от ветлы к ветле.

Голов Волюды вывел меня из размышлений: «Однако, землянка! Посмотри, на «линзу» похоже!» Линзой у нас называется заметное глазу, оплывшее, с пологими краями углубление в земле от давным-давно разрушившегося жилища, потому я сразу метнулся на зов. Действительно, была она, эта самая линза, да не одна (потом я насчитал их пятьдесят три штуки). Но что-то глубоковаты для средневековых, хотя края сильно оплыли... И потом — количество! На древних поселениях былые жилища исчисляются единицами, в лучшем случае их полтора-два десятка, а здесь... Закравшееся сомнение усиливалось непонятной ориентацией углублений, беспорядочной их разбросанностью, каким-то разнобоем в размерах и форме (круглые, почти квадратные, просто вытянутые ямы). Чутье подсказывало: что-то не то, видимо, «позднатиная» (любили мы по-

кокетничать «доморощенным «полевым» жаргоном). Но — правило есть правило. В одной из выемок мы заложили две узенькие траншейки, перпендикулярно одна другой (так по методике: по возможности следует избегать серьезных вторжений в конструкцию памятника). Надлежало проверить, есть ли в «землянке» следы жизни человеческой (то, что зовется у нас «культурный слой»).

Несуразица началась сразу: культурного здесь не было! Под опавшим прошлогодним листом, затянута пленкой ила от нынешнего разлива, — десятисантиметровой толщины прослойка того же ила, оставленного паводками прошлых лет, и — «материк»: синевато-зеленая вязкая глина пойменных отложений. Выходит, углубления естественные? Но как тогда быть с явной преднамеренностью их сооружения, с неким тяготением друг к другу, с массой неумовимых признаков, которые невозможно объяснить словами, но которые убеждают: человек руку приложил? К тому же в слое ила, на поверхности «материка» — проржавевая железка, позеленевший натальный крестик и оловянная пуговица, каких не выпускает наша легкая промышленность. Надо было проверить еще. Подстегивало любопытство, пробудился азарт, да и методика археологических разведок требовала того.

Шурфики, заложенные в трех разных местах, дали совсем другие находки. Пошли кости. Сначала мелкие, вроде птичьих или заячьих (первое, что напрашивалось), потом — длинная, похожая на кость предплечья. Тут же — два-три черепка от глазурованного горшка. Все ясно: современность или почти современность. Мало ли народа заплывает сюда на косьбу, на рыбалку, забредает зимой по всяким домашним нуждам — тальника нарезат, зайцев погонять. Последняя «закопушка» выдала таковую кость — желтоватую, крепкую, совсем не древнюю. Что ж, тайга — это тайга. Всякое бывает. Стало не по себе. Вернемся — скажем, сельсоветчику, пусть принимают меры соответствующие органы... Засыпали и заровняли шурфики и траншейки, воткнули отесанные колышки-реперы в места находок. Все. Наша миссия окончена, нет здесь памятника археологии. Надо идти дальше. Для очистки совести обойдем остров, вернемся к обласку — и обратно, в Назино, добывать хлеб насущный.

Чем ближе подходили к серебристым топеям, тем отчетливее слышались звонкие ребячьи выкрики и вопли. Они то удалялись, то приближались, но все время оставались где-то в одном месте. Наконец тальниковые заросли оборвались, мы вышагнули на веселенькую зеленую полянку, за которой столпились те самые тополя. На песчаную отмель недалеко речной лагуны были вытащены три больших обласка, к толстой прибрежной ветле прислонены: литовки. По полянке носилось человек шесть пацанов. Еще двое попрыгивали у противоположных ее краев. Понятно: откосились — теперь футбол: в него играют везде — от Амазонки до Ледовитого океана. Мы подтяну-

Все остальное назинские, скучившиеся понад обрывом, видели издали. С суденышек сбросили дощатые сходни, возле них и вдоль бортов выстроились охранники. На мостике буксир торчал «поломошный», время от времени дергавший рукою (видать, отдавал приказания). Полетели на берег узлы, тюки, ящики. Выгрузили из паука с десятком мешков муки и две-три бочки, еще что-то. Из трюмных люков на палубы выплеснулась темная людская масса, разбившаяся у трапов на узкие ручейки (что-то все больше бабы да ребятига, редко мужики увидятся. — отметили про себя зоркие таежники, но сомнение и тогда не обременило их души).

Когда толпа человек в триста перетекала на остров, темная фигура на мостике зажегичулировала энергичнее, видимо, произнося «теплое напутствие». Сходни убрали. Буксир дважды гугукнув, закоулал колесами воду, развернулся, отплыл и встал на якорь посередине протоки. Толпа на острове стояла как была, река доносила приглушенный вой, из него вырывались отдельные истошные выкрики.

Начальник каравана сплавал в село еще раз, оставил до будущего лета еще двух солдат для руководства местными караульными. Федору, как местной рабоче-крестьянской власти, было велено составить разрядку и обеспечить круглосуточное дежурство односельчан у реки — «для обеспечения строгой изоляции кулацкого элемента». Мужики восприняли новую повинность со скрытым недовольством: срывается зимний промысел; но ничего не поделаешь.

К тому же, каждый втайне надеялся как-нибудь обойти приказ (с Федором, по-свойски, когда «власть» уедет; так делали всегда, еще до «питерской заварухи»). Кабы еще не солдаты — тогда и вовсе бы разговору не было: убег в тайгу за пушиной, а там ищи-свищи до весны! Да и то: куда бабы ли, детишки ли сосланные зимой в тайге денутся, какую особую беду принести могут, хотя и «сплататоры» да варнаки?

Все же, после шума и ругани, разрядку составили, караулы распределили. Какое-никакое оружие имелось у каждого. Начальник еще раз наказал сельсоветчику и часовым: ни в коем разе не допускать выхода ссыльных с острова, пресекай любые их встречи с местными! В нужных случаях («при неподчинении и попытке к бегству») было позволено стрелять. Ошарашенным таежникам, за десять лет отвыкшим от стрельбы по людям, втолковали, что идет война не на жизнь, а на смерть, хуже гражданской. Либо — мы их, либо — они нас, а потому нечего и маяться угрызениями совести. За каждого ликвидированного врага мировой пролетариат и товарищ Сталин только спасибо скажут. Подумали мужики: может, и верно толкует; грамотный, сидит высоко — ему виднее. Опять же угодыми с чужаками делиться накладно, мало ладной землицы-то у нас тут.

Подумали так, махнули рукою — и примирились, хотя и чуяли задним умом некую неправедливость содеянного.

Шло время. На острове стлались тонкие дымки над кое-как сварганенными кровлями-шалашками неглубоких землянушек, шастали туда-сюда люди — видимо, пытались обустроиться, пережить зиму. Сменяли друг друга подневольные охранники на назинском берегу, изредка постреливая вверх для острастки (патроны были не свои — казенные). Мужики похитрее приспособили к нелюбимому этому делу сынов, сами податься на Тым, на Кцевский Еган — промышлять. Изредка солдаты, оставленные блюсти порядок, поочередно совершали обход острова: на лыжах: нет ли следов беглых. Поначалу не было, но ранним декабрьским утром поймали двоих — парнишку с девчонкой (домой, вишь, собралась — на Алтай!), завернули обратно. Худшие оба, в рамках — видеть, голодно стало в островном поселке. К сельсоветчику число дымков

над ним заметно поубавилось, зато с берега, обращенного к селу, все чаще стали слышны крики, взывавшие к милосердию и молящие «соседей» о помощи.

Не выдержали назинские бабы, собрали — кто что — из провизии, одежды, загрузили ручные нартушки; отправились было к страдальцам. Но крепко соблюдали присягу бойцы охраны, свято исполняли приказ. Остановили (сход к реке был один), отобрали все, наостыляли по шеям да еще пригрозили сообщить куда следует. Притихли бабы, лишь судачили меж собой, жалостно вздыхая, пытаясь понять дальний смысл происходящего. Не понимая, пилили мужей, вернувшихся к рождеству да крещению (старый стиль был еще по-прежнему силен в северном обиходе)...

К февралю совсем уж реденькой стала сетка дымков, а на льду протоки чуть не каждый день появлялись ползущие к яру или уже застывшие фигуры... Охранники, осатаневшие от безделья, возвращали живых пинками и прикладами, да еще заставляли волочь на себе замерзших. Вели себя бойцы вольно и лихо, рыскали в поисках браги, либо «казенки», портили девок (пытались, не разобрав, посягнуть и на Федорову молодуху, да та взялась за берданку), спали, охотились за «кулачем». Кое-кому из деревенских парней, заменивших почти всех отцов на сторожевых постах, такая жизнь пришлась по нраву. Как-то сама по себе сколотилась постоянная караульная группа; разнарядку похерили.

Под весну уже добралась — таки с острова к подьему высокая тощая баба, закарбалась по тропинке, опираясь на тальниковую тычку, втаскивая за собой мальчонку лет восьми. То ли притупилась бдительность у стражей, то ли пьяны они были более обычного, только столкнулась с беглянкой один из вояк уже на самом верху. Загородил дорогу, вскинул винтовку. Заголосила баба, указывая на съездившегося птенца своего — но

тщетно. И тогда выпустила мать сыновью руку, перехватила поудобнее кол — и ринулась на солдата... Два выстрела положили всему конец.

После этого случая ползущих стали просто пристреливать: все равно подохнут. А то, ишь, на часовых кидаются!.. Трупы стаскивали к далеко выступающему мысу, под которым крутилась замерзающая воронка

(она и сейчас стремительно всасывает бурую глинистую взвесь обской воды; стояли мы над нею, снявши шапки, равно над братской могилой).

...Говорил нам Степаныч, давясь пьяными слезами, что во сне видит уставившиеся в небо глаза убитого мальчишки... После этого начинается у него запой.

— А вины-то ить нету моей, не-ету! Ново бы сделал-то? Сам под пулю?!

— В лето 1931-го, в четырнадцатое лето новой жизни, остров затих совсем. Невесты отсюда взявшееся воронье обсело вершинки молодых тополей в северном конце, временами срываясь с них вниз, за стену берегового кустарника. К июлю исчезли и вороны. Несколько отважных женщин с молчаливого согласия оставшихся без работы охранников «сбегали» на обласках через протоку — подкосить телятам свежей травки на островном заливаемом лужке. Вернулись смурные, не поднимаая глаз.

Больше туда не ездил никто. Видно, с той поры и начали плодиться на острове непуганые зайцы, нашедшие там после разлива безопасное убежище. Буксир, притаившийся в сентябре паузок с малым запасом продуктов и инструмента для ссыльных, был уже никому не нужен, кроме двоих «штатных» стражей, отпльвших на нем из села. Знакомый старый речник не в силах был рассказывать об увиденном им в «месте размещения СП». Лишь повторял: «Такое только на фронте бывало, после боя... Или когда каратели... после них. Одним словом, Остров Смерти...»

Через год Обь-матушка унесла, забросала пещком следы преступления, солнце спрятало их в ярко-зеленой траве и молодой тальниковой поросли. Все вроде стало как прежде, будто и не было ничего, словно зайцы от веку сгали стайками во все концы вылезшего из воды клочка суши. Люди же помалкивали, угнетаемые страхом, стыдом и болью, детям своим наказывая держать язык за зубами. Война обезлюдилась село, унесла многих свидетелей и участников ненужной жестокости и позора. Все как будто бы забылось, но каждую весну троклевываются ростки крапивы-лебеда из костей безвестных алтайских крестьян, из их последних бесформенных жилищ. Тянутся к свету, крепнут серебристые тополя, видевшие давнюю трагедию, напоминая о страшных днях. И живет подспудно в памяти людской иное, тайное на-

Что-то замешкались мы с Гурьяном Андреичем на этой самой глухаринной

охоте. Поначалу все складывалось удачно: и скрадывали тихо, и к яру с камешками, которые в эту пору склевывают птицы, скрыто подобрался вдоль залама. Надо же было Гурьяну не выдерживать — смахнуть комара, угнездившегося у него на лысине (шапку еще зачем-то снял)! Задел ветку елочки, легкие колебания спугнули ближнюю копалуху, она взорвала крыльями воздух. За нею улетели петухи. Впрочем, особой досады нет: приварок к каше мы еще добудем, а холодная сентябрьская красота, утренняя желто-розовая тишина так хороши, что и не надо-то больше ничего! Стали «чаевать», да вот уже часа полтора занимаемся этим — точим лысы обо всем и ни о чем. На станок возвращаться неохота, разомлели от воли простора, ну и Володя с Иваном пусть поспят: накануне полдня тянули лодку бечевой по запутанным рукам пристывовой «лавы», умотались.

Пятьдесят четыре года Гурьяну Андреичу. Он невысок, плотно сбит, порывист и стремителен в движениях. Так и должно — охотник-профессионал, его ноги кормят... Багрово сияет под солнцем лысина, именуемая им «комариный еродром». Военственно торчат над висками и на затылке остатки бывших роскошных кудрей, русо-бронзовая борода обложила лицо мелкими тугими колечками. Белозубая, чуть щербатая улыбка. Усы вразлет, невыразимо задорный курносый нос. Небольшие ярко-голубые глазки смотрят уверенно, самостоительно и слегка иронично, с неким философским отсверком. Гурьян не курит («шибко вредное баловство»), но попивает, другой раз крепенько. Фронтоник, имеет две «Славы», «Звездочку» сорок первого года (он ею очень гордится), медали.

Истово верит в какого-то своего бога:

— Сохранна сила есть. Всю войну пехтурой прошел, во всех перепелках побывал, под Москвой роту нашу как есть поубивало, а я, веришь, не ранен, не контужен ни разу! Которые дак толкуют: повезло! Не-е, это все сила сохранна, до войны еще меня осенила Мать, поди, покойница вымолила!

В проводниках он у нас уже не впервые, но сдружился со мной только в этом полевом сезоне, как-то вдруг, после того,

как я непонятным образом срезал влет с лодки сразу двух чирков из гурьяновой прелестной «бельгийки» и обеспечил ужин нашему отрядику. Чирок — самая быстролетная утка, а вот «Зауэр три кольца» перекочевал мне на плечо, а Гурьян стал моим постоянным напарником в «боковых маршрутах» и походах за пропитанием (возможно, нутром почуял родственную бродяжью душу).

...Беседа крутилась вокруг таежной жизни, изменений, которые принес с собой нефтяной бум; потом перешла на меня, на археологию, на пройденные экспедиционные пути. Между делом я упомянул и о назинских событиях времен коллективизации, не предвидя последующей реакции собеседника.

— Ха! Остров Смерти!

...После высадки на острове и краткой, но внушительной речи уполномоченного, сводившейся к тому, что народная власть по доброте своей дает возможность своим врагам перевоспитаться в коллективном труде и, может быть, заслужить грядущее прощение, люди были предоставлены сами себе. Обнаружили, что в суматохе поспешных сборов, в растерянности и страхе перед неясным будущим не хватили никакого инструмента, да и с едой было плохо: десять мешков ржаной муки, два чувала с пшеном, три-четыре бочки с селедкой — на все про все, на всю зимовку трех с половиной тысяч человек! Правда, начальник посулил при-слать еще обоз по зимнику, в декабре... терпеть надо.

Три топора без топорщ нашли все же у запасливых стариков, кто-то из них же спрятал в узле с тряпками заступ без рукояти. Можно сказать, отстроились: вырыли в незадубевшей еще земле мелкие ямы (заступом, заостренными колыями, наскоро сработанными подобиями деревянных лопат), поставили конусовидные кровли из жердей, обложили их дерном для тепла. Верховодили в этих делах старики; они же сразу и распределили скудный запас пищи по едокам, учитывая, сколько у кого малышей. Другая беда: погнали в чем есть, теплой одежды считай что не было. С этим как-то мирлись: как могли кутали детей, сами — как-нибудь.